

ЖУРНАЛИСТСКОЕ
РАССЛЕДОВАНИЕ

Читайте детективные романы
Людмилы Феррис
в серии
«Журналистское расследование»:

**Ценник
красивой жизни**

**Слишком
большой соблазн**

**Жизнь
в стеклянном доме**

Предел несовершенства

**Большие девочки
тоже делают глупости**

Смерть в белом халате

Людмила
ФЕРРИС

Смерть
в белом халате

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф43

Оформление серии А. Старикова

Феррис, Людмила.

Ф43 Смерть в белом халате : [роман] / Людмила Феррис. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Журналистское расследование).

ISBN 978-5-04-093963-3

Новое журналистское расследование Юлии Сорневой приводит ее в городскую больницу. В мире медицины свои законы и правила. И свои тайны. Но когда из-за этих тайн начинают погибать люди, Юля не может остаться в стороне... Благодаря идее главного редактора газеты устроить «горячую линию» для читателей журналистка Юля оказывается единственным человеком в городе, который знает, что скоро произойдет преступление. Она должна во что бы то ни стало найти похищенного главного врача городской больницы Германа Архипова и предотвратить его убийство! А тем временем прямо на рабочем месте убит заведующий отделением травматологии, и, скорее всего, его убийца тоже носит белый халат...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093963-3

© Феррис Л., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Глава 1

ГОРЯЧАЯ ЛИНИЯ

Кто придумал устроить горячую линию с читателями? Конечно, Егор Петрович Заурский, бесшумный главный редактор газеты «Наш город». Казалось бы, материалов хватает, новостей тоже. Зачем изобретать велосипед, тем более летом?

Летом журналисты становятся ленивыми, поди побегай по такой жаре, собирая информацию. Зачем надрываться, если можно в интернете «порыскать», ан нет — подавай начальству общение с читателями. Ноу-хау Заурского удивило журналиста Юлю Сорневу, да не ее одну.

— У каждого будет свой номер редакционного телефона, — объявил главред. — Мы анонсируем его в газете, чтобы читатель мог напрямую связаться с конкретным автором, поделиться с ним своими проблемами. Звонок будет поступать лично журналисту, к которому захочет обратиться читатель.

— Ну, Егор Петрович, вы даете! — заныл корреспондент Вадик Тымчишин. — Вы же знаете, что половина людей, которые звонят в редакцию, находятся в неадекватном состоянии. И так на работе мозги от

жары плавятся, а еще будут «сумасшедшие» со звонками прорываться.

— У тебя плавиться нечему, — усмехнулась ответсек газеты Мила Сергеевна. — Ты материал в прошлый номер вовремя не сдал, из-за тебя «дырка» была. Пришлось срочно переверстывать полосу.

— Ну вот опять я виноват! — продолжал гудеть Тымчишин. — Не мог я материал сдать, не знал счет матча.

— Во-во, виртуальный вы наш! — Мила Сергеевна встрепенулась. — Пишешь материал о событиях, на которых не присутствуешь. Журналист должен быть всегда в гуще событий, внутри.

— У вас устаревшие понятия о журналистике. Зачем куда-то лезть, если все можно найти в интернете? — не сдавался Вадик.

Перепалка между «творческими единицами» могла длиться бесконечно.

— Надо поработать с народом, а то и правда перестали окунаться в гущу событий, — подвел итог Заурский.

Он переносил жару плохо, его рубашка намочла от пота, и смотреть на главреда без сочувствия было невозможно. Кондиционер в помещении отсутствовал, и Егор Петрович объяснял свое нежелание его приобрести тем, что резкая смена температур — из помещения на улицу — может вызвать спазм сосудов сердца или головного мозга. А еще он утверждал, что с кондиционерами приходят сквозняки и можно простудиться. На самом же деле и журналист Юля Сорнева, и все остальные члены редакционного кол-

лектива знали, что Заурский экономит и сквозняки тут совсем ни при чем. Давно требовалось поменять в редакции компьютеры, и это проблема посерьезней модных и востребованных аппаратов.

— Егор Петрович, может, вам платок намочить в холодной воде и намотать на голову? — не выдержала Юля.

— А лучше идите домой, примите душ и сидите возле холодильника с прохладительными напитками. Мы без вас справимся, помаемся здесь немного и тоже по домам пойдем, — едва слышно прошептала Мила Сергеевна. Она, несомненно, уважала шефа, но в жару плавиться на работе никто не хотел.

— Ладно, прорвемся, ребята, — выдохнул Заурский. — Вентилятор надо бы купить. Каждый раз думаю, что лето в Сибири нежаркое будет, а как июнь начинается, так работать невозможно, пекло. — Он вытер пот со лба. — Договорились по формату работы? В этом номере делаем анонс, проводим горячую линию и полностью ее даем в следующем номере. Людям надо помогать быть в курсе всего, что их волнует.

Юля знала, что для Заурского газета — самое важное в жизни, даже важнее дома и семьи. Жена Егора Петровича Виктория относилась к этому с пониманием, детей у супругов не было, и поэтому неудивительно, что единственным «ребенком» для Заурского оставалась газета «Наш город». Он вкладывал в работу всю душу. Слова Егора Петровича про помощь людям не были пустым звуком. Он считал, что главное общественное предназначение журнали-

стов — помогать людям. Конечно, есть полиция, депутаты, администрация и другие структуры, но журналисты ближе к народу и они должны восстанавливать справедливость, часто повторял Заурский.

«Господи, какой же он наивный, как мальчишка, — думала Юля. — На самом деле все обстоит гораздо сложнее, иногда помощь оборачивается непредсказуемыми последствиями».

Она знала десяток историй, когда, протянув руку помощи, журналист «вляпывался» в ситуацию. Вот тот же Вадик Тымчишин в прошлом году написал очерк о спортсмене-ветеране, квартира которого нуждалась в ремонте. Материал получился симпатичный, и Заурский на планерке ставил Тымчишина в пример. Две городские коммерческие структуры тогда сделали ремонт в квартире бывшего спортсмена, оказали материальную помощь. Жить бы да радоваться под таким «золотым дождем», но ветеран, окрыленный первым успехом, встал на путь борьбы за справедливость. Он начал писать жалобы на молодежь, которая собирается и горланит во дворе песни, на магазин, который торгует просроченным пивом. Вадик Тымчишин вскоре начал прятаться, скрываться от своего героя, обещавшего натравить на обидчиков журналистов. Кроме того, выяснилось, что у ветерана есть два вполне благополучных сына, которые могли бы помочь отцу отремонтировать квартиру.

Юля помнила, как Вадик нервно курил в коридоре, поглядывая по сторонам, чтобы вовремя улизнуть от жалобщика, и все время повторял:

— Сорнева, подруга, учись на моих ошибках! Держись русской мудрости: «не делай хорошего — не будешь плохим».

Они тогда сошлись во мнении, что работа журналиста вредна для здоровья, слишком нервная, а мера ответственности за каждое написанное слово непомерно высока.

«Может, не надо так активно помогать гражданам? Может, достаточно того, что в газете есть разные точки зрения и люди могут сделать выбор?» — размышляла Юля.

Но как возражать главреду, когда он в восторге от собственной идеи и, несмотря на адскую жару, не уйдет, пока не услышит одобрения своего предложения. Выручила, как всегда, Мила Сергеевна.

— Не переживайте, Егор Петрович, проведем мы этот горячий провод. Раз надо, значит, прилипнем к телефонам, и пусть народ звонит, общается. Здорово вы это придумали, не даете нам отсидеться.

Юля энергично закивала и подумала, что ее любимый герой барон Мюнхгаузен из известного фильма, возможно, был прав, когда утверждал, что каждый здравомыслящий человек просто обязан время от времени поднимать себя за волосы. Может, и правда надо вздернуть себя за волосы, и тогда настроение из летне-ленивого превратится в рабочее?

И вот настал день проведения горячей линии. Солнце палило так, что от жары не спасали и вентиляторы, закупленные накануне по заданию главреда. Даже сиденья редакционных стульев накалились. Тымчишин извивался на своем стуле и горестно вздыхал:

— Вот, Сорнева, никто ведь не оценит, в каких античеловеческих условиях мы работаем. Жаримся, как папуасы.

— Папуасы не жарятся, они привыкшие, — отмахнулась Юля.

— А я не привык, я человек сибирский, мне жарко. Все для народа, значит? А народ холодное пиво пьет и над нами посмеивается!

На горячую линию был отведен час. Первые десять минут звонки раздавались редко, но потом начали усиливаться в геометрической прогрессии. Журналисты непрерывно говорили по телефону и фиксировали для себя информацию кто в блокноте, кто сразу на компьютере.

— Юля, это ты?

Юля сразу узнала голос постоянной читательницы Анны Павловны Колокольцевой, Юля уже помогала этой пожилой женщине.

Анне Павловне не повезло, ее дом попал в список региональной программы капремонта, да не просто попал, в доме уже начали перекрывать крышу. Бригады менялись одна за другой, а ремонт не двигался. Квартира Колокольцевой находилась на последнем этаже, и два месяца бабушка жила при разобранной крыше, когда шел дождь, ей приходилось выносить воду ведрами. Юля широко осветила эту проблему в прессе, и социальная служба предложила Анне Павловне переехать на время ремонта в другую квартиру.

— Я решила никуда не ехать, Юлечка, — бодро сообщила Колокольцева. — У меня вчера мэр был, сказал, что берет работы по ремонту в нашем доме под личный контроль.

— Анна Павловна! Мы же с вами договаривались, что вы на время ремонта переедете. Там жить опасно!

— Я войну пережила, что мне капремонт! — гордо заявила бабушка. — Только вот не могла бы ты с ребятами ко мне приехать сегодня? У меня с потолка люстра упала.

— Анна Павловна! Как люстра упала? Вы не пострадали? Конечно, мы приедем. Только это будет не раньше чем через час, мы должны закончить горячую линию.

— Я подожду, Юлечка. Подожду. Главное, ты про меня не забудь.

— Конечно, не забуду, Анна Павловна.

Потом Юля принимала еще звонки, записывала контакты читателей. Егор Петрович оказался прав, теперь материала на три газетных выпуска наберется: историй хоть отбавляй, и все с новизной. А пока Юля размышляла, как уговорить Колокольцеву переехать из опасной квартиры.

— Я могу поговорить с Юлией Сорневой? — раздался в трубке новый голос, приятный женский, но очень требовательный.

— Я вас слушаю, — вздохнула Юля. Она знавала таких инициативных дамочек. Сейчас женщина будет назидательно говорить о том, что нет в городе культуры, что реклама заполонила собой все уголки. Темы хорошие, но бесперспективные. Широко шагаешь, как известно, штаны порвешь.

Но звонившая вдруг как-то жалобно вздохнула и произнесла:

— Вы извините, конечно, что я к вам... Но я должна кому-то сказать. Скоро может произойти убийство.

Юля поняла, что женщина не шутит. Может, у нее такая реакция на жару, перегрелась на солнце?

— А вы в полицию обращались? — поинтересовалась Юля.

— Нет, там меня за сумасшедшую сочтут. Я читаю ваши статьи, Юля, мне кажется, что вы честный человек.

— Спасибо, конечно, за доверие, но я журналист, и моя работа — писать. Я не занимаюсь преступлениями, тем более теми, которые произойдут. Может, вам все-таки позвонить в полицию?

— Его завтра хотят убить! Сделайте что-нибудь! — воскликнула женщина.

— Кого? Кто и кого хочет убить?

— Они хотят убить Германа Николаевича Архипова, главного врача городской больницы!

— Архипова? — телефон задрожал у Юли в руке.

Вот только нового расследования журналисту Сорневой сейчас не хватало!

Глава 2

ФИАЛКИ И СТРОГОСТИ ЕВГЕНИИ ШУМСКОЙ

Евгения Олеговна Шумская любила утро, когда дома никого не было. Муж уходил на работу рано, сын убежал в тренажерку, а оттуда сразу в институт, и она спокойно поливала цветы, которых в квартире всегда было много. Евгении Олеговне нравилось,

когда дом наполнен яркими красками, особенно она любила фиалки. Ей казалось, что даже названия сортов фиалок звучат словно музыка: Жемчужина Нила, Голубой Дракон... Это очень кропотливая работа — выращивание фиалок: полив, подкормка, влажный климат, словом, настоящее искусство. Но понимаешь, что все это не зря, когда из зеленых махровых листьев появляются нежные маленькие букетики.

Уделив внимание своим цветам, Евгения пила кофе и планировала день. В июне у нее зачеты для заочников, и там особых проблем не будет, — в предмете «культурология» студенты-заочники понимают столько же, сколько она в «деталях машин». Шумская дала им темы для рефератов, которые они благополучно скачают из интернета. Но она дама коварная — рефераты читает полностью, от начала до конца, и по ним вопросы задает, о чем и предупреждает своих дорогих студентов заранее, чтобы они обязательно ознакомились с работами перед зачетом. Увы, современному студенту не до культурных ценностей средневековой Европы или традиций Древней Греции: ему нужно зарабатывать на жизнь, и он не внемлет объяснению, что его жизнь станет лучше, если он узнает культурные традиции первобытного общества. Но Евгения Олеговна считала, что зачет есть зачет, и если вы хотите получить автограф преподавателя, будьте добры, постарайтесь.

Евгения Олеговна с улыбкой вспоминала, как потеют заочники, когда она читает их же рефераты и задает по ним простые вопросы, ответы на которые можно найти тут же, в тексте.

— Что такое становая солидарность в рыцарской культуре? Что для вас ближе: массовая или элитарная культура? Что такое готический и романский архитектурные стили?

Если студент вздыхал и молчал, то Шумская отправляла его читать свой, скачанный из интернета, реферат. И пусть она понимала, что заочник и не вспомнит через час слово «культурология», но у нее были свои принципы и отступить от них Евгения Олеговна не собиралась.

Не красота спасет мир, а культура и духовное наследие. Доцент Шумская в этом была уверена, как и в том, что Достоевского цитируют неправильно. У Федора Михайловича есть такая фраза: «Мир спасет красота», а говорят обычно «Красота спасет мир». Но смысл фразы совершенно меняется. В первом случае имеется в виду, что внутри мира есть нечто — красота, которая может его спасти. Ей это уточнение очень нравилось.

У дневников, то есть у студентов дневного отделения, Шумская преподавала другой гуманитарный предмет — журналистику. Это неосведомленному кажется, что между культурологией и журналистикой большая пропасть. На самом деле любой печатный орган: журнал то или газета, есть орудие формирования культуры нации, не больше и не меньше.

Сегодня у Евгении Олеговны была последняя лекция в группе «оэсок» — так ласково в университете называли специальность «связь с общественностью», и завершалась лекция интервью с известным

человеком. На интервью согласился главный врач городской больницы — Герман Николаевич Архипов. Шумской удалось с ним договориться через знаковую журналистку из местной газеты Юлю Сорневу.

Евгения Олеговна любила, когда к теоретическим знаниям, как, например, изучение жанра интервью, добавлялась хорошая практика. Студенты в этот раз должны были заранее приготовить гостю вопросы, задать их и потом написать небольшой творческий отчет. Да и точка в годовой работе будет поставлена яркая: есть возможность пообщаться с нестандартной, интересной личностью. Евгения Олеговна не была знакома с Архиповым и, когда позвонила ему, думала, что получит отказ, поэтому очень волновалась. Но стоило только сказать:

— Герман Николаевич, я вас прошу принять участие в студенческой работе по интервью, — как он сразу же ответил:

— Да, да, конечно. Мне Юля Сорнева звонила. Как же я могу вам отказать? Журналистов тоже надо учить, учить на людях. — Он засмеялся. — Я согласен быть вашим подопытным кроликом.

— Герман Николаевич, ну какой вы кролик?! — возмутилась Шумская. — Вы почетный гость на лекции. Если можно, немного расскажите о себе: почему вы решили стать врачом. А потом студенты вопросы вам зададут, они готовятся.

— Евгения Олеговна... Я правильно запомнил, как вас зовут?

— Да, Герман Николаевич, правильно.